

День затишья

(На той, Гражданской)

Разлегся поперек дороги
Убитый человек в исподнем.
И чей он – белый или красный, —
Теперь уже не разберешь,
Он к ослепительному солнцу
Остекленелый взгляд свой поднял,
А по краям дороги – поле,
А в поле – выжженная рожь.

Ему не знать того, что будет,
Не передать того, что было,
Лежит – земля к спине прижата,
И солнце светит супротив,
А рядом, путаясь в поводьях,
Ржет сумасшедшая кобыла,
Дробит копытами о камни,
Выводит яблочко-мотив.

И, пританцовывая, машет
Хвоста облезлою метлою,
Привыкнув к выстрелам и ритмам
Лихой частушечной бурды,
Она жеманно выгибает
Хребет, сравнимый лишь с пилою,
И щиплет рваными губами
Густую кочку бороды.

Мы

Напичканные чистенькими догмами,
На фоне бутафорской красоты
Мы слишком долго притворялись добрыми.
И, озверев от мнимой доброты,

Рванулись мы всеяднейшими крысами,
Хватая в спешке все, что на пути.
Зато какими были бескорыстными
Еще вчера...
О Господи, прости.

Как море в отлив, убывает
Бравурный аккомпанемент.
Долги и гондоны всплывают
Не в самый удобный момент.

Когда ты, казалось, отмылся
Росою
И сам как святой.
Но всплыли.
И дальше нет смысла
«Россию спасать красотой».

Дом с краю

Косо в землю вросшая избушка,
Словно почерневший истукан.
На столе порожняя чекушка
И стакан.

Пара мух ощупывает крошки –
Видно, чем-то запах нехорош.
Ни тарелки на столе, ни ложки,
Только нож.

Пиковый валет

Мечта устала догонять,
Ну а надежда ждать устала,
И память стала изменять,
Гуляет, падла, с кем попало.
То не дозваться, то придет,
Когда ты чем-то важным занят,
И с ней какой-то идиот
С подслеповатыми глазами.
Рассядется и будет мне
Плести дремучую дурнину,
Как будто мы в Дарасуне
Делили лаборантку Нину.
Что Дарасун – дыра без дна
И гастроном без бакалеи.
Его? Не знаю! А она
Была, мне кажется, в Балее.
Брюнетка. Черное белье.
Уединиться было сложно.
И вроде не делил ее
Ни с кем, а впрочем, все возможно.
Лиса, но вовсе не змея.
Бывали и больней измены.
Не только женщины – друзья,
Родные люди, даже стены.

Смешно подумать – столько лет
Прошло, как в прорву улетело.
Но этот пиковый валет –
Облезлый, мятый...
А задело.

Омут

Вода черна от глубины
И от безветрия прозрачна.
Под берег жмутся табуны
Мальков – наверное, внебрачных, –
Пугливы слишком. А ветла
К воде протягивает ветку,
Туда, где словно пиала,
Поставленная на салфетку,
Белеет лилия. Над ней
Висит стрекозье опахало...

И вдруг как будто бы видней
И вместе с тем тревожней стало.
Луч солнца, высветивший дно,
Как бы играя злую шутку,
Напомнил, до чего темно,
И холодно на дне, и жутко.

Зимняя танцплощадка

Сквозь тишину в минус сто децибел,
Кажется, слышится марш похоронный,
Снег на площадке болезненно бел,
И на перилах четыре вороны
Молча чернеют погоде не в масть,

Каждая – как отключенный динамик.
Нежно поземка танцует, кружась,
Манит шалава, потом продинамит.

Здесь познакомился, втрескался здесь,
Не обращая вниманья на слухи.
Била фонтаном гремучая смесь
Юности, музыки и бормотухи.
Драться пришлось, а соперник жесток,
Сразу же складень достал из кармана.
Первая женщина, первый восторг,
Первой измены коварная рана –
Думал, смертельная, но заросло,
Может, уже на четвертые сутки.

Кстати, у входа красотка с веслом
Долго стояла и плоские шутки
Наши терпела. Упорно ждала.
Снег на площадке слежался и слипся.
Юность ушла и следы замела.
Где ты, красотка из хрупкого гипса?

Что-то вороны притихли? Мороз.
Крутит поземка подобие вальса.
Холодно. Выпить бы. Да не принес.
Не догадался.

Провинциальный театр

Ну, времена! Наскучил эшафот.
Кого? За что? За кражу и за ересь –
Любого можно. И бесплатный вход
Не привлекает зрителя – заелись.

Устав бояться, начали скучать,
И поиск смысла стал потерей смысла.
Уже пресна свободная печать,
Свобода нравов на свету прокисла.

Как оживить? Построили помост
На площади. И власти не ругали:
Поп освятил, мэр города помог
Людьми, материалом и деньгами.

Добротный получился эшафот.
Гремели речи, развевались флаги,
И шел на представление народ,
Но охладел, и кончились аншлаги.

Казалось бы, с ума сойти должна
Толпа, вживую созерцая трупы.
Ну что еще? Какого им рожна?
Психует режиссер. Мрачнеет труппа.

Какое там заелись – зажрались
И тупо отворачивают морды.
Герой-палач – последний моралист,
Конечно, пьет, но в дело верит твердо.

Стена

Вот уже и нет азарта
Биться в стену головой,
Отложу-ка я на завтра
Этот подвиг трудовой.

Все равно не буду понят,
Благо что не в первый раз,
Хорошо, что Зойка гонит,
Невзирая на указ,

Превосходную микстуру.
Запах – Боже упаси,
А ее аппаратуру
Хоть на выставку неси.

Капля риска, капля страха,
Остальное – чистоган.
А с меня... талон на сахар
К государственным деньгам.

По края наполню флягу
В ноль десятую ведра
И засяду – и не лягу
Аж до самого утра.

Помечтаю и повою
Без вмешательства извне
И с чугунной головою
Вновь приду к своей стене.

Не изжита наша свара,
Распроклятая стена,
Ну-ка, вздрогни от удара
Удалого чугуна!

Ни березка, ни рябина –
Медицинское такси...
Вот такая, брат, судьбина
У поэта на Руси.

Герой

Всегда на подвиги настроены,
Идут, проламывая стены,
Вожди, первопроходцы, воины,
Изобретатели, спортсмены,
Творцы и прочие кудесники,
Но даже в этом славном строе
Герой ненормативной лексики
Достоин звания героя –
Лихого и совсем не гордого,
Который лишних слов не любит.
И пусть ни улицы, ни города
Пока что не назвали люди
Его коротким звучным именем –
Не в этом главная награда.
Но между тем при штурме Зимнего
И обороне Сталинграда
Был на устах у победителей
Он чаще, чем товарищ Сталин.
Потом союзники увидели
Три гулких буквы на рейхстаге –
Застыли в изумленном выкрике,
Узрев следы последней драки.
Но что за иксы? Что за игреки?
Что за магические знаки?
Война – сплошное поле минное,
Там все по самым нервным меркам,
Но и во время тихомирное
Героя слава не померкла.
В любых запутанных историях
Он откровенен беспощадно –
И в чистеньких лабораториях,
И на строительных площадках.

Училка – про тычинки, пестики –
Смущенная до красных пятен,
Но без ненормативной лексики
Предмет детишкам непонятен.
Его плоды в листву капустную
Ханжи предпочитают прятать,
Но славу истинную – устную –
Официозу не состряпать.
Пытались и мытьем, и катаньем,
Прививки всяческие вили
И на мозги обильно капали,
На психику всюю давили...

Но от Японии до Мексики,
В Париже свой и на Бродвее,
Герой ненормативной лексики
Живет и всех живых живее.

Окраина

Окраина. Козий горох. Подорожники.
А все-таки город (над почтою – шпиль),
Но вот нападение шустрого дождика,
И в грязь превратилась пушистая пыль.
По ставням веселую дробью ударило,
И дождик затих, а затем на реке
Пристал катерок и отправился далее,
К домам подошел человек налегке.
Вдоль черного ряда штакетника мокрого,
Мостками промытыми до белизны,
Он медленно шел, наблюдая за окнами,
Сутулясь от свежести и тишины.
Вдруг пес шелудивый, а может, некормленный,

Лениво затыкал на стук каблуков,
И в лужу с поспешностью слишком покорною
Спустился он с чистых, но гулких мостков.
Потом замолчало животное глупое,
Утешась нехитрою властью своей,
А грязь под ногами вздыхала и хлюпала,
И редкие капли слетали с ветвей.
У дома с тремя молодыми березками
Он встал и, прокашлявшись, вытер усы,
Потом закурил и, светя папироскою,
Приподнял рукав и взглянул на часы.
И, вымыв ботинки с носками облезлыми,
Чтоб в дверь не стучать, он вошел со двора...

Потом два сердечка, что в ставнях прорезаны,
Зажглись и не гасли уже до утра.